

Ткачев, Петр Никитич

Сочинения в двух томах

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Т48

Т48 **Ткачев, Петр Никитич**
Сочинения в двух томах: Том 1 / Ткачев, Петр Никитич – М.: Книга по Требо-
ванию, 2012. – 655 с.

ISBN 978-5-458-23905-9

В первом томе собрания сочинений помещены произведения по философии, социологии, эстетике, педагогике и т. д., написанные П. Н. Ткачевым на родине в 60 – начале 70-х годов прошлого века. Значительная часть этих работ была напечатана лишь в журналах. В приложении даются юношеские стихи П. Н. Ткачева из его рукописного наследия.

ISBN 978-5-458-23905-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

1Ф
Т48

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Общая редакция
*А. А. ГАЛАКТИОНОВА, В. Ф. ПУСТАРНАКОВА,
Б. М. ШАХМАТОВА*

Вступительная статья
В. Ф. ПУСТАРНАКОВА и Б. М. ШАХМАТОВА

*Составление и примечания
Б. М. ШАХМАТОВА*

Т 10501-011
004(01)-75 подписное

© Издательство «Мысль». 1975

П. Н. ТКАЧЕВ — РЕВОЛЮЦИОНЕР, ПУБЛИЦИСТ, МЫСЛИТЕЛЬ

П. Н. Ткачев занял в истории русского революционного движения очень заметное место, но о нем, его деятельности и идеях написано гораздо меньше, чем о двух других ведущих теоретиках российского революционного народничества — М. А. Бакунине и П. Л. Лаврове. У читателя, интересующегося историей революционного движения и революционной мысли в России, есть возможность по существующей литературе составить сравнительно полное представление лишь о революционной программе, тактике и общественно-политических взглядах идеолога русского «бланкизма»¹. В вопросе же о специфической роли и месте Ткачева в истории русской философской и социологической мысли до сих пор осталось немало белых пятен².

¹ См. *Б. Козьмин*. П. Н. Ткачев и революционное движение 1860-х годов; *его же*. Вступительная статья к кн.: *П. Н. Ткачев*. Избранные сочинения, т. I. М., 1932; *А. А. Галактионов, П. Ф. Никандров*. Раздел «П. Н. Ткачев» в кн.: «Идеологи русского народничества». Л., 1966; *Г. Г. Водолазов*. От Чернышевского к Плеханову. М., 1969; *М. Г. Седов*. Некоторые проблемы истории бланкизма в России (Революционная доктрина П. Н. Ткачева). — «Вопросы истории», 1971, № 10; *И. К. Пантин*. Социалистическая мысль в России: переход от утопии к науке. М., 1973.

² Из работ последних лет, посвященных анализу философии и социологии П. Н. Ткачева и их роли в идеологии народничества см.: *А. А. Галактионов и П. Никандров*. История русской философии. М., 1961 (разд. VII, гл. 2); *Б. М. Шахматов*. К характеристике философской позиции П. Н. Ткачева. — В кн.: «Молодые ученые и современная философская наука». Минск, 1964; *его же*. Критика позитивизма П. Н. Ткачевым. — В кн.: «История и методология естествознания». Минск, 1966; *его же*. У истоков борьбы против эмпириокритицизма в России. Там же; *А. А. Галактионов, П. Ф. Никандров*. Раздел о Ткачеве в кн.: «История философии в СССР», т. 3. М., 1968; *Д. И. Недоступенко*. Философские и социологические взгляды П. Н. Ткачева (канд. дисс.). МГУ, 1969;

Ткачев — революционный деятель и политический мыслитель, но его практические политические установки покоятся на определенных социологических и философских основаниях. Как и все крупнейшие русские революционеры, Ткачев понимал место и роль философии в идейной и практической революционной борьбе. Лейтмотивом всего литературного наследия П. Н. Ткачева является следующее его высказывание: «При известных общественных условиях всякий критик, будь он эстетик или реалист, как и всякий художник и всякий ученый, если только в его груди бьется человеческое сердце, а в жилах течет кровь, а не вода, непременно будет и должен быть публицистом» (VI, стр. 295)³. «Философско-социологическая публицистика» — такое название довольно точно отразило бы как содержание, характер, так и жанровые признаки всего написанного Ткачевым по философии и социологии.

I

Петр Никитич Ткачев родился 29 июня 1844 г. (по старому стилю) в небольшом имении своих родителей в деревне Сивцово Великолуцкого уезда Псковской губернии. Кроме него в семье было еще трое детей: сестры Александра и Софья и брат Андрей. Вскоре умер отец, и семья Ткачевых переехала в 1851 г. в Петербург.

В середине 50-х годов Петю отдали во 2-ю Петербургскую гимназию. Годы учебы в гимназии совпадали с годами перелома в жизни русского общества, вызванного поражением России в Крымской войне и достигшего высшей кульминационной точки в период революционной ситуации 1859—1861 гг. «С чтения книг, «посторонних классным занятиям», — вспоминал впоследствии Ткачев, — снято было прежнее veto; чтение было теперь не только дозволено, но даже поощрялось и юноши-дети с жадно-

И. Пантин. Ткачев. — «Философская энциклопедия», т. 5. М., 1970; *В. А. Маликин.* Философия революционного народничества. М., 1972; *В. Ф. Пустарнаков.* «Капитал» К. Маркса и философская мысль в России. М., 1974.

³ Здесь и далее цитируются Избранные сочинения на социально-политические темы в семи томах П. Н. Ткачева (вышло только шесть томов. М., 1932—1937). Первая цифра в скобках — том, вторая — страница. В тех случаях, когда цитата дается по первому тому настоящего издания, в скобках указывается только страница.

стью набросились на него». Книги возбуждали новые мысли, с замиранием сердца ожидали юные читатели выхода каждой новой книжки, журнала. «И никогда «гимназисты» и «семинаристы» не жили еще такой полной, сосредоточенной и рвущейся вперед умственной жизнью, как в эту «достопамятную эпоху» (II, 293).

Конечно, не только чтение книг и журналов имело влияние на духовное развитие учащейся молодежи. «Крестьянский вопрос и денежный кризис, — писал Ткачев, — были для нас спасительным разочарованием, они вывели нас из спокойного и самодовольного созерцания той трясины, которую мы принимали за прелестнейший пейзаж» (II, 224).

Стихотворения, которые начал писать Ткачев-гимназист⁴⁻⁵, свидетельствуют о серьезных раздумьях о современной действительности, о судьбах России и Европы, о революционных попытках прошлого и настоящего. В них звучит и навеянное окружающими революционными событиями, в частности восстанием Гарибальди, ожидание близких перемен, и как отклик на запрещенные стихотворения А. С. Пушкина (ода «Вольность» и «К Чаадаеву») призыв немедленно покончить с ненавистным прошлым, и опасение, как бы трагическая история революционных попыток народа в прошлом не повторилась, и пессимистические раздумья о смысле жизни, о возможности и необходимости поиска истины, о пользе знания и т. д.

Безусловно, вся эта лихорадочная работа мысли искала какого-то деятельного исхода. В 1861 г., не окончив гимназии, из пятого класса, он сдает экзамены в Петербургский университет и становится студентом юридического факультета.

Занятия повзроспевшего студента продолжались не более недели, так как 12 октября во время студенческих «беспорядков» он был арестован. Однако университетская среда, само участие в студенческих сходках и спорах оказали огромное влияние на семнадцатилетнего Ткачева. А двухмесячное заключение сначала в Петропавловской, а затем в Кронштадтской крепости, куда отправили на пароходах основную массу арестованных студентов,

⁴ Юношеские стихотворения Ткачева публикуются в приложении к настоящему тому.

безусловно, значительно продвинули вперед революционное воспитание Ткачева, стали для него первым революционным крепостником.

Вызванные отнюдь не политическими причинами, студенческие волнения приобрели политический характер, стали составной частью революционной ситуации. Это было, как писал Ф. Энгельс, «первое серьезное движение среди студентов, тем более опасное, что народ повсюду был в сильном возбуждении вследствие освобождения крепостных крестьян»⁶.

«Изгнанники науки» чувствовали себя героями дня, в центре событий, верили, что они «начинают новую эпоху». И этому способствовали не только «дальнее благословение» А. И. Герцена и Н. П. Огарева, но и серьезное внимание и поддержка, оказанные студенческому движению признанным главой революционной России Н. Г. Чернышевским и его соратниками. Именно к молодежи была обращена одна из первых прокламаций — прокламация Н. В. Шелгунова и М. Л. Михайлова «К молодому поколению», распространявшаяся как раз в самом начале студенческих волнений. «Молодое поколение!.. — говорилось в ней. — Не забывайте того, что мы обращаемся к вам по преимуществу, что только в вас мы видим людей, способных пожертвовать личными интересами благу всей страны. Мы обращаемся к вам потому, что считаем вас людьми, более всего способными спасти Россию, вы — настоящая ее сила, вы вожак народа...»⁷

С горькой иронией вспоминал Ткачев о настроениях его сверстников: «Страшное и глупое это было время: детей считали чуть не «солью земли», в них видели вождей, предназначенных вести нас в обетованную землю. И всего забавнее то, что сами дети вообразили, будто они призваны к этому, будто эта миссия именно по их силам» (II. 225).

Но так писал Ткачев десять лет спустя, а в конце 1861 г., выйдя из крепости, по словам его сестры, «он находил, что для обновления России необходимо уничтожить всех людей старше 25 лет. Через несколько времени он отказался от этого человекоубийственного плана, но все-таки находил, что ради общего блага не только мож-

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 554.

⁷ Цит. по: «Народническая экономическая литература. Избранные произведения». М., 1958, стр. 86.

но, но даже должно жертвовать отдельными личностями»⁸. Неправдоподобность этого запальчивого заявления, казалось, можно бы отнести на счет розыгрыша по отношению к сестре, если бы оно, по-видимому, не являлось логическим продолжением известных положений той же прокламации Шелгунова и Михайлова. «Если,— писали они,— для осуществления наших стремлений — для раздела земли народом — пришлось бы вырезать сто тысяч помещиков, мы не испугались бы и этого. И это вовсе не так ужасно»⁹.

Этот пример весьма ярко показывает характер восприятия Ткачевым лозунгов его революционных наставников. Юноша Ткачев был примерным учеником, усвоившим сполна и дух и букву прокламации и не останавливающимся ни перед какими, пусть даже абсурдными, следствиями из ее положений. Он принадлежал к тем «детям», которые в своей дальнейшей деятельности не изменили своим юношеским стремлениям в угоду «житейской мудрости» и остались верными знамени, на котором с тех пор было написано: «Земля и воля». «В течение всей своей литературной деятельности,— писал Ткачев в 1874 г.,— я постоянно вращался среди нашей молодежи, среди наших «детей». Я сам принадлежу к этому поколению, я переживал с ним его увлечения и ошибки, его верования и надежды, его иллюзии и разочарования, и каждый почти удар, который наносила ему свирепая реакция, отражался на мне или непосредственно, или в лице моих близких товарищей и друзей; с гимназической скамьи я не знал другого общества, кроме общества юношей, то увлекавшихся студенческими сходками, то таинственно конспирирующих, то устраивающих воскресные школы и читальни, то заводящих артели и коммуны, то опять хватающихся за народное образование, за идею сближения с народом, и опять, и опять конспирирующих; я всегда был с ними и среди них — всегда, когда только меня не отделяли от них толстые стены каземата Петропавловской крепости...» (III, 58)

Вся последующая революционная деятельность Ткачева в 60-е годы подтверждает справедливость этой самооценки.

⁸ А. Анненская. Из прошлых лет. — «Русское богатство», 1913, № 1, стр. 62.

⁹ «Народническая экономическая литература...», стр. 89.

Мы не знаем, к сожалению, фактической стороны этой деятельности. Известно только, что по выходе из Кронштадтской крепости (6 декабря 1861 г.) оставленный в Петербурге на поруки матери юноша Ткачев усиленно занимается самообразованием, ходит в публичную библиотеку. Поэтому нам приходится снова обратиться к его стихам, содержание которых не оставляет сомнения в истинном направлении его стремлений. «Революционный демократизм, вера в крестьянскую революцию, пафос любви к народу и непоколебимая уверенность в светлом будущем, исторический оптимизм — таковы основные идейные черты стихотворных опытов Ткачева», — заключает Н. Ф. Бельчиков, специально исследовавший его юношеские стихотворения¹⁰. Написанные по следам событий, волновавших тогдашнюю молодежь, посвященные его революционным наставникам и товарищам по борьбе, стихотворения эти являются как бы документальным выражением революционного действия молодого Ткачева, подлинная картина которого скрыта от нас временем. В этом своеобразном поэтическом дневнике мы находим отклики на гражданскую казнь М. Л. Михайлова, на годовщину восстания декабристов, на закрытие «Вольного университета» (активным слушателем которого был Ткачев) и высылку проф. Павлова, на аресты революционеров, посещение народных гуляний и празднеств. В итоге этой стихотворной исповеди Ткачева провозглашается собственная программа революционного действия:

Нет, не смиренье, не любовь
Освободят нас от оков,
Теперь нам надобен топор,
Нам нужен пожар — чтоб свой позор
Смыть кровью притеснителей!..
Мы будем рушить, рушить все,
Не пощадим мы ничего!
Что было создано веками,
Мы сломим мощными руками
И грязью в идол ваш священный
Рукою бросим дерзновенной!
Мы сроем церковь и дворец,
Пусть с рабством будет и конец
Всему отжившему, гнилому,
Пусть место новому, живому
Очистит наше разрушенье...

¹⁰ Н. Бельчиков. Стихотворные опыты П. Н. Ткачева. — «Русская литература», 1958, № 4, стр. 185.

Такова экстремистская «программа» Ткачева в начале апреля 1862 г., т. е. к тому времени, когда его участие в революционном подполье раскрывается нам уже по полицейским дознаниям о так называемом кружке Л. Ольшевского¹¹.

Студент Московского университета поляк Леонид Ольшевский, во время студенческих волнений оказавшийся в Петербурге, был посажен в Кронштадтскую крепость, где и познакомился с Ткачевым. Высланный под надзор полиции на родину, он как раз в апреле 1862 г. самовольно вернулся в Петербург. В июле в руки полиции попали неопровержимые свидетельства противоправительственной деятельности Ольшевского — два варианта рукописной прокламации «К русскому народу (рассказ дяди Кузьмича)».

Даже поверхностное сличение прокламации со стихотворением Ткачева «Христово воскресенье», отрывок из которого приведен выше, обнаруживает поразительное идейное созвучие обоих произведений, порой кажется, что прокламация — развернутое прозаическое переложение стихотворения. Был или не был Ткачев автором (или соавтором) «К русскому народу»¹², для нас важно это созвучие, то что прокламация отражала и его взгляды, а не взгляды одного Ольшевского, признавшего авторство на следствии.

Написанная после появления «Молодой России» и, по признанию самого Ольшевского, под ее непосредственным влиянием, прокламация «К русскому народу» тем не менее была оригинальным произведением подпольного слова. Недаром исследователи, находя в ее содержании влияние почти всех крупных революционных изданий того времени¹³, все же отмечают в ее программных положениях такие моменты, которых не было у ее предшественников, например призыв к топору: «Нужно только погадать, порассудить, умом-разумом пораскинуть, да топор

¹¹ Некоторые документы из дела Ольшевского опубликованы в сб. «Русско-польские революционные связи», т. 1. М., 1963, стр. 157—169.

¹² Б. П. Козьмин высказывал сомнение в том, что Ольшевский мог быть автором прокламации, предполагая, что им мог быть Ткачев.

¹³ «Молодой России» Зайчневского и Аргиропуло, «Что нужно народу?» Огарева, «Что надо делать войску» Огарева (при участии Н. Н. Обручева) и «К солдатам» Шелгунова.

в руки — п валяй всех угнетателей»¹⁴. В прокламации «К русскому народу» нет ярко выраженного якобинизма «Молодой России», все надежды еще возлагаются на народное восстание, которое близко, хотя в заключительных словах прокламации можно услышать намек на то, что инициатива, сигнал к восстанию должны, по-видимому, исходить не от народа. Но уже в стихотворении Ткачева «Друзьям (в 1862 году)», последнем в его тетради, написанном к тому же сразу после ареста Ольшевского, эти тенденции выражены более определенно.

И еще одно обстоятельство характеризует направление кружка, к которому принадлежал Ткачев, — мысль о царубийстве.

Революционные подпольные связи Ткачева также были значительно шире лиц, привлекавшихся по «делу Ольшевского». Среди его близких друзей, дружбу с которыми он сохранил и в последующие годы, находим: Е. Печаткина — знакомого Н. Г. Чернышевского, члена комитета Петербургского отделения Литературного фонда, судившегося по делу Баллода, в последующем демократического издателя, члена издательской артели и других предприятий каракозовцев, издателя «Самоучителя» Худякова; офицера Я. Ушакова, приговоренного к расстрелу (замененному впоследствии каторгой) за пропаганду «Молодой России» среди рабочих воскресных школ; студента Пиотровского — близкого знакомого Н. Г. Чернышевского; Л. Самарина — отданного в солдаты за попытку принять участие в Польском восстании; Т. Плакшина — активного участника петербургских конспираций, укрывавшего на своей квартире поляков, бежавших из тюрьмы, и многих других.

Царским сатрапам, по-видимому, некогда было разбираться в хитросплетениях подпольных связей многочисленных арестантов, схваченных ими по малейшему подозрению во время жестокого террора 1862 г. Во всяком случае Ткачева, арестованного в ноябре 1862 г. только за то, что в квартире Ольшевского нашли его записку: «Был и не застал дома», — в ходе следствия обвиняли лишь в том, что он знал о прокламации «Меры правительства для успокоения Польши» и не донес «кому следует», хранил у себя стихи преступного содержания и два экземпляра программного документа «Земли и воли» — прокламации

¹⁴ «Русско-польские революционные связи», т. 1, стр. 161.